

**ПО ПОВОДУ УВОЛЬНЕНИЯ
Г. КОНЫСА.**

Мы получили от профессора Московской Консерватории С. В. Смоленского следующее письмо:

М. Г.—Из письма бывшего преподавателя Консерватории Г. Э. Конюса, напечатанного в № 271 вашей газеты, от 2 октября, видно что форма его увольнения указывает на какую-то особенную, нетерпимую виновность г. Конюса по службе.

Только исключительная, самая грустная и угнетающая обстоятельство вынуждают меня, в полнейшему моему огорчению, огласить мотивы моего отрицательного отношения к этому делу. При всей моей вѣрѣ в правду, я вынужденъ стать въ положение, при которомъ ничего не стоит, кому будетъ надобно, обвинить меня даже въ некорректности; но нѣтъ у меня, къ сожалѣнію, никакой иной возможности протеста, кромѣ обращенія къ суду общественнаго мнѣнія.

Я мотивирую свое отношеніе къ делу объ увольненіи г. Конюса отъ службы нижеслѣдующими основаніями и соображеніями:

1) въ засѣданіи художественнаго совѣта 4 сентября г. директоръ В. И. Сафоновъ изволилъ заявить что онъ пришелъ къ убѣжденію о невозможности, вслѣдствіе отношеній къ нему преподавателя г. Конюса, продолженія службы послѣдняго въ Консерваторіи, и предложилъ гг. членамъ совѣта подать свои мнѣнія закрытой баллотировкой. На предложеніе членамъ желающимъ высказать что-либо, я заявилъ приблизительно слѣдующее: „за 8 лѣтъ службы г. Конюса въ художественномъ совѣтѣ ни разу не было случая, когда бы объ этомъ питомцѣ Консерваторіи и отличномъ преподавателѣ было сказано хотя что-нибудь дурное; слухи есть что между г. директоромъ и г. Конюсомъ есть личныя неудовольствія. Я недоумѣваю что въ предложеніи г. директора членомъ совѣта дать мнѣнія по вопросу объ увольненіи г. Конюса отъ службы ничего не сказано о причинахъ предложенія такой тяжелой кары и прошу его превосходительство объяснить мнѣ: въ чемъ заключается вина г. Конюса по службѣ и въ чемъ потому причины предложенія уволить его отъ службы въ Консерваторіи?“

Въ отвѣтъ на этотъ мой вполне простой и законный вопросъ я получилъ отъ г. директора, приблизительно, такое словесное заявленіе:

„Отвѣта о винѣ Конюса и о причинахъ его увольненія и не дамъ, отчета въ своихъ дѣйствіяхъ давать не обязанъ.“

Я заявилъ г. директору что болѣе ничего не имѣю спросить и о происшедшемъ было занесено въ протоколъ засѣданія.

Къ моему полному удивленію, совершенно такое же заявленіе г. директоръ сдѣлалъ во время засѣданія еще одинъ или два раза въ отвѣтъ на такіе же по содержанию совершенно спойные и дѣловые запросы гг. членовъ совѣта Буддина и Танѣева.

2) Дальнѣйшія пренія въ рѣчахъ г. Буддина и г. Танѣева выяснили: I. Что г. Конюсъ, одинъ изъ лучшихъ питомцевъ Московской Консерваторіи, отлично опытный, знающій и усердный преподаватель въ теченіе 8 лѣтъ, есть личность особо отмѣченная Высочайшимъ вниманіемъ покойнаго Императора Александра III, пожаловавшаго ему, несмотря на его молодые годы, пожизненную пенсію во вниманіе къ его творческому дарованію; что г. Конюсъ обогатилъ нашу музыкально-педагогическую литературу своими переводами и сочиненіями, а въ свободномъ творчествѣ имѣетъ уже 14opus'овъ.

II. Что личныя неудовольствія и столкновенія г. Конюса съ г. директоромъ начались два года назадъ отъ продолжительнаго, по мнѣнію г. Конюса, невниманія г. директора къ заявленіямъ г. Конюса о переполненіи слушателями класса инструментовки и крайней трудности и даже невозможности для него успѣшно и добросовѣстно работать при такомъ комплектѣ этого класса, затѣмъ отъ

неловководія всѣхъ ходатайствъ г. Конюса до свѣдѣнія и рѣшенія художественнаго совѣта;—что тѣ же неудовольствія еще болѣе обострились въ началѣ 1898—99 учебнаго года, вслѣдствіе внезапнаго устраненія г. Конюса г. директоромъ отъ преподаванія въ классѣ инструментовки и внезапной же передачи этого класса другому лицу; это единичное дѣйствіе г. директора по службѣ, совершенное, по мнѣнію г. Конюса, безъ всякаго вѣдома и постановленія художественнаго совѣта, было сочтено г. Конюсомъ за личную и служебную ему обиду и за своевольное и незаконное дѣйствіе г. директора по службѣ; что, наконецъ, тѣ же неудовольствія еще болѣе обострились въ теченіе минувшаго 1898—99 учебнаго года, такъ какъ будто бы вслѣдствіе неудовольствія г. директора, остались безуспѣшными всѣ его, Конюса, просьбы, ходатайства, жалобы о возвращеніи ему преподаванія въ классѣ инструментовки, къ которому онъ имѣетъ особую любовь и склонность и для котораго онъ перевелъ лучшее руководство и оліитографировалъ собственный учебный курсъ.

III. Затѣмъ: а) что увольненіе отъ службы безъ пренія и даже безъ выслушанія наихъ-либо оправданій или объясненій г. Конюса, сдѣланное по постановленію правительственнаго учрежденія, есть само по себѣ одно изъ наиболѣе жестокихъ наказаній, могущихъ быть приравненными къ гражданской смерти, къ увольненію по такъ-называемому „3 пункту“, „волчьему билету“, къ полному ошельмованію человека и почти къ лишенію его въ будущемъ возможнаго заработка; что б) предложеніе примѣнить такое страшное наказаніе, совершенно незаслуженное и несправедливое, къ товарищу и своему питомцу представляется въ виду отказа г. директора объяснить вину Конюса и мотивировать причины его предложенія, нравственнымъ и служебнымъ гнетомъ на членовъ художественнаго совѣта, приглашаемыхъ г. директоромъ дать свое мнѣніе безъ всякихъ разсужденій; в) что увольненіе довольно извѣстнаго лица, на комъ не можетъ не быть сочтено г. Конюсъ, представляется крайне невыгоднымъ для репутаціи Консерваторіи, если общественное мнѣніе обратится (что вполне вѣроятно при нынѣшней гласности суда и печати) въ пользу г. Конюса; г) что то же увольненіе безъ объясненій причинъ, безъ констатированія вины по службѣ, является крайне опаснымъ прецедентомъ для будущей жизни и процвѣтанія Консерваторіи, особенно же если будетъ доказано, что настоящій случай утвердилъ возможность удаленія отъ службы только по личнымъ неудовольствіямъ и неприятностямъ.

3) Дѣло объяснилось, однако, послѣ словъ проф. Гржимали, заявившаго, что ему извѣстно нѣсколько случаевъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, когда г. Конюсъ позволилъ себѣ заочно и весьма несдержанно отзываться о г. директорѣ и о нѣкоторыхъ профессорахъ и преподавателяхъ Консерваторіи, почему личность, подобная г. Конюсу, нетерпима, именно по этой причинѣ, въ товарищескомъ кругу Консерваторіи.

Послѣ такого заявленія И. В. Гржимали для меня стало очевиднымъ и несомнѣннымъ, что за г. Конюсомъ какъ преподавателемъ Консерваторіи, какъ за лицомъ состоящимъ на государственной службѣ, нѣтъ и не можетъ быть констатировано въ этомъ засѣданіи никакихъ проступковъ и преступленій по службѣ, и что предложеніе г. директора основано на его и нѣкоторыхъ членовъ совѣта личныя съ г. Конюсомъ счетахъ и неудовольствіяхъ, къ дѣламъ по службѣ совершенно не относящимся.

4) Когда во второй разъ говорилъ С. И. Танѣевъ, то онъ бѣгло упомянулъ, что настоящее предложеніе г. директора объ увольненіи г. Конюса повторяетъ собою, но въ иной, болѣе законной формѣ, какую-то „бумагу, подписанную 11-ю членами Художественнаго Совѣта и представленную г. предсѣдателемъ для обсужденія въ засѣданіи мѣстной дирекціи“. На этомъ мѣстѣ г. директоръ не безъ рѣзости остановилъ г. Танѣева и даже лишилъ его права слова.

Я не рѣшился въ эту минуту, чтобы не испытать втораго немотиви-

рованного отказа, обратиться къ г. директору, тѣмъ болѣе, что слова г. Танѣева о „бумагѣ“ были видимо не пріятны г. директору и объяснили что-то нежелательное въ констатированію въ данномъ засѣданіи. Но мнѣ тутъ же показалось, однако, вполне доказаннымъ и неопровержимымъ: 1) что неизвѣстная мнѣ „бумага“, въ видѣ просьбы въ дирекцію отъ товарищей объ удаленіи г. Конюса отъ службы, дѣйствительно, была, ибо въ минуту рѣчи о ней г. Танѣева, г. директору, вмѣсто запрещенія говорить далѣе, ничего не стоило тутъ же уличить г. Танѣева въ неправдѣ, и 2) что нечаянно обнаруженное, тайное, по крайней мѣрѣ отъ меня, ходатайство товарищей объ удаленіи г. Конюса, въ свое время почему-то неудавшееся, не допускается г. директоромъ въ оглашенію въ совѣтѣ, такъ какъ это обстоятельство могло бы при рѣшеніи дѣла произвести въ засѣданіи 4 сентября самое неблагоприятное впечатлѣніе на остальныхъ, кромѣ 11, членовъ Художественнаго Совѣта, своевременно неприглашенныхъ къ участію, или ознакомленію съ тою „бумагой“.

Эти два соображенія, сверхъ своей положительной стороны, еще болѣе убѣдили меня, по связи хода преній съ новымъ отказомъ г. директора объяснить вины г. Конюса, по службѣ, въ томъ, что настоящее дѣло основано только на личныхъ счетахъ и неудовольствіяхъ гг. членовъ Совѣта и отнюдь не на какой-либо провинности г. Конюса по службѣ.

5) Такъ какъ пренія были объявлены прекращенными и г. директоръ приступилъ къ закрытой баллотировкѣ, то мною было доложено г. директору, съ просьбою о занесеніи моихъ словъ въ протоколъ, что я не могу по убѣжденію и по совѣсти принять участіе въ голосованіи, такъ какъ мнѣ не была объяснена вина г. Конюса по службѣ и причина предложенія г. директора уволить г. Конюса отъ службы.

Къ моему заявленію объ отказѣ подать бюллетень присоединились съ просьбою занести въ протоколъ о такомъ же ихъ отказѣ гг. Танѣевъ, Буддинъ и Резезовъ. Мои слова, по совершенно понятному ихъ содержанию, могли означать только то, что я считаю вопросъ объ увольненіи Конюса совершенно неподлежащимъ никакому обсужденію, ибо такъ и осталось неизвѣстнымъ, за что именно по службѣ г. Конюсъ могъ бы понести наказаніе.

6) Затѣмъ счетъ голосовъ былъ сдѣланъ, по моему убѣжденію, не согласно съ истиннымъ смысломъ высказанныхъ мнѣній.

Не считая голоса, приблизительно высказавшаго: „предоставляю на рѣшеніе и отвѣтственность директора“, предложеннаго г. предсѣдателемъ къ отнесенію подѣ № 5 въ группу „воздержавшихся отъ голосованія“, я призналъ бы полную справедливость, по существу этого дѣла, сложить четыре голоса „воздержавшихся“ съ четырьмя же голосами „оставить“ всего—8, противопоставивъ ихъ семи голосамъ „уволить“. Г. директору, несмотря на несомнѣнно констатированное въ засѣданіи его положеніе, какъ имѣющаго личныя неприятности къ г. Конюсомъ, какъ лица предложившаго г. Конюса къ увольненію, годно было воздержаться отъ закрытой баллотировки и заявить, что онъ подастъ свой голосъ устно по вскрытіи и подсчетѣ всѣхъ бюллетеней. Только такимъ образомъ число голосовъ „уволить“ увеличилось до восьми, по сравненіи съ четырьмя „оставить“, безъ словесія ихъ съ четырьмя хотя бы и „воздержавшихся“, но вполне и гласно отрицавшими надобность какого бы ни было наказанія г. Конюса, дало возможность г. директору предложить тутъ же г. секретарю записать постановленіе объ увольненіи г. Конюса отъ службы.

7) Но уступая даже и въ вышеуказанномъ подсчетѣ большинства, 8 голосовъ „уволить“ противъ только 4 голосовъ „оставить“, говорящемъ о будто правильно сдѣланномъ постановленіи Совѣта, я считаю, что тотъ же счетъ не выдерживаетъ критики, и самая баллотировка, въ виду требованія § 32 устава, не можетъ быть признана состоятельною, если только потребовать дѣйствительнаго соблюденія закона во всей точности. Мнѣ извѣстно, что до 4 часовъ дня 4 сентября 1899 г. членами Худо-

жественнаго Совѣта Московской Консерваторіи состояли двадцать лицъ.

Въ примѣчаніи къ § 32 устава прямо сказано, что „при обсужденіи и рѣшеніи въ Художественномъ Совѣтѣ вопросовъ объ увольненіи преподающихъ художественные предметы должны принимать участіе не менѣе двухъ третей членовъ совѣта“. Двѣ трети числа 20 составляютъ число 13 1/3 голосовъ, а въ закрытой баллотировкѣ по дѣлу г. Конюса участвовали только 11 членовъ.

Если къ этому числу баллотированныхъ даже приложить устно заявленное мнѣніе г. директора (12й голосъ) и даже голосъ „предоставляю на рѣшеніе и отвѣтственность директора“ (то-есть 13й голосъ, хотя и причисленный г. директоромъ въ категорию „воздержавшихся“ подѣ № 5), то и въ такомъ случаѣ, для вполне точнаго по закону рѣшенія дѣла объ увольненіи г. Конюса отъ службы, не достаетъ до непрѣменно надобнаго минимума 1/3 одного голоса, почему я не могу признать въ этомъ состоявшемся рѣшеніи полной и точной законной силы.

Поэтому я, убѣжденный въ неправомерности и съ формальной стороны и по существу послѣдовавшаго постановленія Художественнаго Совѣта, имѣлъ честь представить мое отвѣтное мнѣніе. Нынѣ дѣло объ увольненіи г. Конюса, повидимому, проиграно окончательно. За неизвѣстными возможностями жаловаться, я упрямствую себя этимъ гласнымъ протестомъ.

СТ. СМОЛЕНСКІЙ.

2 октября 1899 г.